

Научная статья

УДК 94

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-4-8>

EDN UYXLJD

Перебежчики вермахта на советско-германском фронте в 1941–1943 гг. (к постановке проблемы)

Роман Иванович Ларинцев

Техникум судостроения и машиностроения,
Северодвинск, Россия,
larinczev@yandex.ru

Roman I. Larintsev

Technical School of Shipbuilding and Engineering,
Severodvinsk, Russia,
larinczev@yandex.ru

Александр Николаевич Заблотский

Таганрогский авиационный научно-технический
комплекс им. Г.М. Бериева,
Таганрог, Россия,
fareast@gmail.com

Aleksandr N. Zablotskii

Taganrog Beriev Aviation Scientific-Technical Complex,
Taganrog, Russia,
fareast@gmail.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен «измены флагу» – перехода военнослужащих вермахта на сторону Красной армии. Хронологические рамки статьи ограничены 1941–1943 гг. Это обусловлено наличием значительного количества архивных документов указанного периода из фондов ЦАМО, в которых зафиксированы факты перехода военнослужащих противника на сторону Красной армии, а также соответствующих трофейных документов вермахта, хранящихся в Национальном архиве США. Данное обстоятельство позволяет сравнить отношение противоборствующих сторон к исследуемому явлению. В частности, советские опросные листы военнопленных в обязательном порядке отражали сведения о добровольной сдаче в плен или переходе на сторону Красной армии.

© Ларинцев Р.И., Заблотский А.Н., 2023

© Larintsev R., Zablotskii A., 2023

На основе анализа документов из российских и зарубежных архивов установлена численность и выявлены мотивы подобной стратегии поведения военнослужащих германской армии и ее союзников. Отмечено, что переходы военнослужащих вермахта на сторону противника фиксировались даже в период наиболее успешных немецких операций 1941–1942 гг. Подчеркивается, что численность перебежчиков существенно увеличивалась во время любых кризисных явлений на Восточном фронте. По мнению авторов, при принятии решения о переходе линии фронта основную роль играли мотивы личного, а не идеологического плана. Значительную часть перебежчиков вермахта составляли военнослужащие ненемецкой национальности, менее устойчивые к воздействию неблагоприятного развития ситуации на фронте.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, вермахт, Красная армия, перебежчики, военнопленные, мотивы, численность

Для цитирования: Ларинцев Р.И., Заблотский А.Н. Перебежчики вермахта на советско-германском фронте в 1941–1943 гг. (к постановке проблемы) // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 4. С. 1479–1502, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-4-8>

Defectors from the Wehrmacht at the Soviet-German Front in 1941–1943 (on the problem statement)

Abstract. The article examines the phenomenon of the “deserters of the flag,” i.e. the defection of the Wehrmacht soldiers to the Red Army. The chronological scope of the article is limited to the period between 1941 and 1943, which is due to the existence of a significant number of archival documents that contain information about the facts of deflection of the enemy’s military personnel to the Red Army during this specific period in the fonds of the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TsAMO) as well as the corresponding captured Wehrmacht documents stored in the US National Archives. This circumstance allows us to compare the attitude of the warring parties to the phenomenon under study. In particular, the questionnaires filled in by the Soviet side for prisoners of war necessarily contained information about voluntary surrender or defection to the Red Army.

Based on the analysis of documents from Russian and foreign archives, the number of defectors was determined and the motives for such a strategy of behavior of military personnel of the German army and its allies were identified. It is noted that instances of defection of Wehrmacht military personnel to the enemy’s side were recorded even during the period of the most successful German operations in 1941–42. It is emphasized that the number of defectors increased significantly during any crises at the Eastern Front. According to the authors, when the decision to cross the front line was made, personal rather than ideological motives played the main role. A significant part of the Wehrmacht defectors included military personnel of non-German ethnicity, who were less resistant to the effects of unfavorable developments at the front.

Keywords: Great Patriotic War, Wehrmacht, Red Army, defectors, prisoners of war, motives, numbers

For citation: Larintsev, R.I., and A.N. Zablotskii. “Defectors from the Wehrmacht at the Soviet-German Front in 1941–1943 (on the problem statement).” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 7, no. 4 (2023): 1479–1502, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-4-8>

Введение

В истории всех войн, которые когда-либо происходили, имело место такое явление, как переход военнослужащих на сторону противника. От этого не была застрахована ни одна армия, хотя масштабы явления в разных странах (и в разные исторические периоды) были неодинаковы.

Термин «перебежчик» большинство словарей трактуют примерно одинаково: военнослужащий, перешедший в расположение противника и сдавшийся ему¹. Следует отметить, что авторы считают необходимым четко разделить две категории военнопленных – перебежчики и добровольно сдавшиеся в плен (в опросных листах эти категории зачастую смешиваются). Переход на сторону Красной армии был за редким исключением² обдуманном поступком, не стимулированным конкретной (не общей) боевой обстановкой. Добровольная же сдача в плен, как правило, происходила в тех случаях, когда военнослужащий не мог или не хотел оказывать сопротивление в критической ситуации.

Различные аспекты работы с военнопленными германской армии и ее союзников на советско-германском фронте рассмотрены в исследованиях А.С. Бланка, И.В. Власовой, В.А. Всеволодова, В.Б. Конасова, А.Л. Кузьминых, Э. Шерстяной³. Однако специальной литературы, посвященной перебежчикам, выявить не удалось, за исключением статьи Б.Л. Хавкина о судьбах

¹ Контрразведывательный словарь / под редакцией В.Ф. Никитченко. Москва: Научно-издательский отдел Высшей Краснознаменной школы КГБ, 1972. С. 200.

² Зафиксирован случай, когда перебежчик перешел линию фронта, чтобы избежать наказания за служебный проступок.

³ *Blank A.* Die deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR. Köln: Pahl-Rugenstein Verlag, 1979; *Бланк А.С., Левель Б.* Наша цель – свободная Германия. Из истории антифашистского движения «Свободная Германия». (1943–1945 гг.). Москва: Мысль, 1969; *Власова И.В.* Работа с военнопленными в тыловых районах советских фронтов в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. Институт военной истории Министерства обороны Российской Федерации, 1994; *Всеволодов В.А.* Взаимодействие политорганов Красной Армии и Национального комитета «Свободная Германия» в борьбе против фашизма (1943–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. МГУ им. М.В. Ломоносова, 1991; *Конасов В.Б.* Политика Советского государства в отношении немецких военнопленных (1941–1956 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Институт военной истории Министерства обороны Российской Федерации, 1998; *Кузьминых А.Л.* Военный плен и интернирование в СССР (1939–1956 годы). Вологда: Древности Севера, 2016; *Кузьминых А.Л.* Система военного плена и интернирования в СССР: генезис, функционирование, лагерный опыт (1939–1956 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, 2014; *Шерстяной Э.* Пленение на Востоке (1941–1945). Воспоминания и опыт немецких солдат. Воронеж: Издательство О.Ю. Алейникова, 2016.

перебежчиков-антифашистов в СССР, опубликованной в «Независимом военном обозрении»⁴.

В предлагаемой вниманию читателей работе авторы, опираясь на доступные источники, постарались привлечь внимание к теме изучения перехода военнослужащих вермахта на сторону Красной армии в 1941–1943 гг. Выбор временного отрезка обусловлен как сохранностью немецких трофейных документов, так и особенностями указанного периода, когда динамика переходов во многом определялась изменениями в ходе военных действий. При этом в сравнительном плане также анализировались сведения о военнослужащих-перебежчиках армий стран-сателлитов Третьего Рейха.

Источники

Источниковой базой для написания статьи послужили, во-первых, архивные документы Центрального архива Министерства обороны РФ, выложенные на сайте «Память народа», а также документы филиала Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО) в Гатчине (бывший Центральный архив Военно-Морского флота). В них, как правило, зафиксированы факты перехода военнослужащих противника на сторону Красной армии. Довольно часто, особенно в документах разведорганов, можно обнаружить опросные листы перебежчиков с указанием как биографических данных, так и сведений о мотивах, заставивших их решиться на такой шаг. Особую ценность представляют недавно размещенные на сайте российско-германского проекта по оцифровке документов материалы фонда 500 ЦАМО, особенно опись 12486, в которой собрано большое количество опросных листов военнопленных и перебежчиков⁵.

⁴ Хавкин Б.Л. Перебежчики-антифашисты в СССР. Как сложилась судьба бывших военнослужащих вермахта // Независимое военное обозрение. 2022. 25 августа. URL: https://nvo.ng.ru/history/2022-08-25/1_1203_history.html (дата обращения: 27.06.2023).

⁵ Формуляры Разведывательного управления Красной Армии по частям вермахта и его союзников, а также Ваффен-СС // Российско-германский проект по оцифровке германских документов в архивах Российской Федерации. Ф. 500. Оп. 12486. URL: <https://wwii.germandocsinrussia.org/ru/nodes/22723-opis-12486-formulary-razvedyvatelnogo-upravleniya-krasnoy-armii-po-chastyam-vermahta-i-ego-soyuznikov-a-takzhe-vaffen-ss> (дата обращения: 10.06.2023).

Пленный немец показывает на карте интересующую советского военнослужащего информацию. Фото Натальи Бодэ. Не ранее лета 1943 г.

Источник: Наталья Бодэ: Продолжение // Военное обозрение. 3 июля 2013.

URL: <https://topwar.ru/30305-natalya-bode-prodolzhenie.html>

Опросный лист перебежчика отличается от опросного листа обычного военнопленного тем, что опрашивавший заранее предполагал наличие у данного военнослужащего оснований для передачи сведений, представлявших интерес для военной разведки. Как правило, эти надежды оправдывались. Нам известен только один случай, когда показания перебежчика вызвали у советской стороны подозрения. 30 апреля 1942 г. на сторону Красной армии перешел солдат 44-й пехотной дивизии, австриец Альберт Гутари. Перебежчик заявил, что, будучи коммунистом, действовал по идейным соображениям. Однако на вопросы военного характера Гутари отвечал неконкретно, ссылаясь на незнание. Опрашивавшие вполне резонно предположили, что австриец мог быть агентом немецкой разведки⁶. При этом неверно считать, что неполнота показаний сама по себе являлась основанием для подозрений в отношении перебежчика. Если перебежчик прибыл на фронт недавно (в маршевом батальоне, например), то это отмечалось в опросном листе и служило оправданием скудости полученных от него сведений.

⁶ Опросный лист Альберта Гутари // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО). Ф. 500. Оп. 12486. Д. 173. Л. 35.

Фотокорреспондент О. Кнорринг и кинооператор И. Малов ведут съемку допроса пленного немецкого обер-ефрейтора. Фото Виктора Кинеловского. 7 июля 1943 г.
Источник: Военный альбом. Фотографии Второй мировой и Великой Отечественной войны (1939–1945). URL: <https://waralbum.ru/50674/>

Мотивы

Переход военнослужащего на сторону противника является, несомненно, достаточно трудным решением. Кроме постоянно присутствующей на войне опасности погибнуть, на потенциального перебежчика воздействует страх быть задержанным при попытке перехода с последующими репрессиями не только в отношении себя лично, но и оставшихся на родине членов семьи. Поэтому большой интерес представляет выяснение мотивов, по которым военнослужащие вермахта могли решиться на такой шаг.

Отметим, что в советских документах мотивы, заставившие солдата вермахта перейти на сторону Красной армии, упоминаются не всегда. По нашим подсчетам, эта тема интересовала опрашиваемых примерно в 20 % случаев. Еще меньше она интересовала немецкое командование, которое, как будет показано ниже, предпочитало простые объяснения. Поэтому наши рассуждения будут носить, в известной мере, гипотетический характер.

Можно предположить, что наиболее часто в первом периоде войны военнослужащие вермахта переходили на сторону Красной армии по идейным соображениям. Большинство перебежчиков придерживались левых убеждений. Самым известным среди них был Альфред Лисков, перешедший на сторону

Красной армии 21 июня 1941 г.⁷ В этом ряду назовем также Франца Гольда, который перешел линию фронта в сентябре 1941 г. и стал активным антифашистом в плену, а позднее первым немцем-перебежчиком, награжденным советским боевым орденом⁸. Впрочем, немецкие солдаты оказывались на противоположной стороне, за линией фронта, и по религиозным убеждениям. Так, 17 мая 1942 г. линию фронта перешел военнослужащий 71-й пехотной дивизии Карл Курце. И он, и его семья были убежденными католиками. Именно недовольство антиклерикальной политикой Гитлера и привело Курце к решению добровольно сдаться в плен⁹.

Бывший немецкий солдат Альфред Лисков, предупредивший о начале войны с СССР.
Фото Виктора Темина. 1941 г.

Источник: Военный альбом. Фотографии Второй мировой и Великой Отечественной войны (1939–1945). URL: <https://waralbum.ru/363700/>

В период первого крупного кризиса германской армии, зимой 1941/1942 гг., немалую роль в мотивах перехода на сторону противника стали играть и

⁷ Хавкин Б. Перебежчики-антифашисты в СССР // Независимое военное обозрение. 2022. 25 августа. URL: https://nvo.ng.ru/history/2022-08-25/1_1203_history.html (дата обращения: 27.06.2023).

⁸ Горыня В. Бывшие участники движения «Свободная Германия» в военных учреждениях ГДР // Трагедия плена: сборник материалов Международной научно-практической конференции «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ/СНО и начало репатриации военнопленных» (Москва–Красногорск, 31 октября – 2 ноября 1995 г.) / под редакцией В.А. Всеволодова. Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996. С. 79–85.

⁹ Опросный лист Карла Курце // ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12486. Д. 187. Л. 23.

соображения личного плана. Так, в феврале 1942 г. в полосе 34-й армии Северо-Западного фронта были зафиксированы два перебежчика. Причем, если один был солдатом обычной линейной части, да еще и польского происхождения, то второй – военнослужащим дивизии СС «Мертвая голова». Мотивы у обоих были примерно одинаковы: плохо кормят, нет теплой одежды, надоело воевать¹⁰. Со второй половины 1942 г. такие мотивы явно стали преобладать.

Два немца-перебежчика сдаются в плен солдатам Красной армии.

Фото Натальи Бодэ. Сентябрь 1941 г.

Источник: Наталья Бодэ: Продолжение // Военное обозрение. 3 июля 2013.

URL: <https://topwar.ru/30305-natalya-bode-prodolzhenie.html>

На рубеже 1941/42 гг. появилась еще одна побудительная причина для перехода на сторону Красной армии у военнослужащих вермахта ненемецкой национальности. Некоторые поляки, узнав о формировании в Советском Союзе польской армии генерала В. Андерса, переходили линию фронта с намерением вступить в эту армию. Об этом, например, говорил на допросе в разведорганах Юго-Западного фронта солдат 133-го рабочего батальона Теодор Хахуа, добровольно сдавшийся в плен до 20 января 1942 г. (точнее установить по доступным документам пока невозможно)¹¹. Позже, с появлением на советско-

¹⁰ Журнал боевых действий 34-й армии за февраль 1942 г. // ЦАМО. Ф. 389. Оп. 4690. Д. 215. Л. 33, 42.

¹¹ Журнал боевых действий Юго-Западного фронта // ЦАМО. Ф. 229. Оп. 161. Д. 802. Л. 59.

германском фронте подразделения «Свободная Франция» (сначала эскадрильи, а затем истребительного авиаполка «Нормандия–Неман»), отмечен случай перехода уроженца Эльзаса, совершенного с целью служить в армии генерала де Голля¹².

Изучение даже сравнительно небольшого числа опросных листов (всего было выявлено 93 опросных листа, из них мотивы указаны в 17 случаях), в которых излагаются причины перехода, дает основание говорить, что личные мотивы у перебежчиков преобладали над идеологическими. Следовательно, военнослужащие противника руководствовались, как правило, желанием спасти свои жизни, а не неприятием гитлеровского режима.

Численность перебежчиков

Конечно, случаи переходов в 1941–1942 гг. не были массовыми, но и назвать данное явление исключительным тоже нельзя. Приведем сводные данные о перебежчиках за вторую половину 1942 г., нашедшие отражение в документах разведорганов Ленинградского и Волховского фронтов и полученные в виде разведывательных сводок в штабе ВВС Балтийского флота¹³. Согласно советским документам, за указанный период на сторону Красной армии перешло не менее 16 человек. При выборочной проверке документов 18-й армии в Группе армий «Север» удалось обнаружить упоминания только о пяти перебежчиках (групповые переходы в июле 1942 г.)¹⁴.

При этом следует указать, что реальное количество перебежчиков было бóльшим, так как не были учтены 9 испанцев из «Голубой дивизии», а также один военнослужащий 56-го полицейского батальона, погибший при попытке перехода.

Неполнота сведений о перебежчиках в немецких документах хорошо прослеживается на материалах фонда 500 ЦАМО. Так, в формуляре 79-й пехотной дивизии содержатся опросные листы на четырех солдат дивизии, перешедших на сторону Красной армии в июле–сентябре 1942 г.¹⁵ Ни один из них в документах 79-й пехотной дивизии, находящихся в национальном архиве США, не упоминается, хотя их сохранность за этот период хорошая.

¹² Опросный лист военнопленного Пауля ЭРГАРД // ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12486. Д. 157. Л. 32.

¹³ Разведывательная информация штаба ВВС // ЦВМА. Ф. 596. Оп. 41. Д. 17. Л. 37 об. и далее.

¹⁴ Kriegstagebuch des HGr Nord. Juli – Dezember 1942 // National Archives and Records Administration (далее – NARA). fram 8499738, 8499809.

¹⁵ Опросные листы на военнослужащих 79-й пехотной дивизии // ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12486. Д. 193. Л. 117–122.

Стремительное ухудшение ситуации на Восточном фронте на рубеже 1942–1943 гг. самым непосредственным образом сказалось на численности солдат вермахта, принявших решение добровольно сдаться в плен. Особенно это заметно по ситуации на южном фланге советско-германского фронта, где после провала реванша под Курском фронт стал неудержимо откатываться на запад.

О том, что ситуация с переходом военнослужащих вермахта на сторону Красной армии стала принимать достаточно массовый характер, свидетельствуют указания, разосланные немецким Верховным командованием по армиям Восточного фронта 31 января 1943 г. Эти указания предусматривали внесение изменений в формуляр ежесуточных донесений, отправляемых соединениями и объединениями германской армии вышестоящему командованию. Прочитируем их по документу, сохранившемуся в фондах 2-й полевой армии вермахта.

За последнее время участились случаи перехода немецких военнослужащих на сторону противника. В большинстве случаев речь идет о лицах, которых можно рассматривать как политически неблагонадежных. Часть из них принадлежала ранее к левым партиям, часть происходит из областей, лишь недавно вошедших в состав Рейха. В одном случае перебежчик принадлежал к обширному кружку антигосударственных элементов, как это удалось выяснить после изучения семьи изменника.

Чтобы в дальнейшем такие случаи быстро выявлялись, необходимо в ежесуточных донесениях указывать сведения о военнослужащих, попавших в руки противника, относительно которых имеются подозрения, что они перебежчики. Следует указывать имя, воинскую часть, место рождения и ближайших родственников¹⁶.

Из цитируемого документа можно сделать вывод, что Верховное командование вермахта предпочитало искать причину перехода своих солдат на сторону противника не в падении боевого духа, а в причинах политического характера.

В материалах разведотдела немецкой 3-й горнопехотной дивизии Группы армий «Юг» есть сведения, что в ноябре 1943 г. там рассматривались дела десяти горных егерей, которые дезертировали из своей части. Правда, большей частью эти эпизоды относились ко времени сентябрьского отступления дивизии. Переход одного из солдат на сторону Красной армии был подтвержден соответствующим радиоперехватом. Остальные в таковых

¹⁶ Fernschreiben 31.01.43 am AOK2. No. 175/43 // NARA. T-312 roll 1215 fram 1076.

намерениях подозревались¹⁷. Еще четыре человека были заподозрены в переходе на сторону Красной армии в октябре 1943 г.¹⁸

К сожалению, найти подтверждение упомянутым случаям перехода горных егерей в документах советской стороны не удалось. Но мы можем по аналогии оперировать данными по другой дивизии (106-й пехотной), воевавшей в составе Группы армий «Юг». Согласно документам ЦАМО, с сентября по декабрь 1943 г. из частей 106-й пехотной дивизии перешло на сторону Красной армии 12 человек. Еще один был убит при попытке перехода¹⁹.

В нашем распоряжении имеются также сводные данные о перебежчиках Группы армий «Север» за 1943 г.²⁰ Эти данные получены сплошной обработкой срочных донесений 16-й и 18-й армий, подчиненных Группе армий. С 24 января по 29 декабря зафиксировано 103 перебежчика (без учета перебежчиков 250-й испанской дивизии). Принимая во внимание объективную неполноту немецких данных (связанную с тем, что некоторые перебежчики считались пропавшими без вести), а также отсутствие сведений за апрель–май, можно предполагать, что действительное число перешедших на сторону Красной армии солдат вермахта колеблется в пределах 120–150 человек. Следовательно, число перебежчиков в 1943 г. по сравнению с предыдущим годом увеличилось примерно в пять раз. При этом надо учитывать, что вермахт в 1943 г. не терпел на северном участке фронта таких сокрушительных поражений, как на южном.

Приведем сводные данные по национальности перебежчиков: немцы – 57 чел., поляки – 20, уроженцы Люксембурга – 5, эльзасцы – 11, чехи и латыши – по 3 чел., национальность остальных в документах не указана. Эта информация не дает нам каких-либо неожиданных результатов. Доля жителей аннексированных Германией территорий среди перешедших на сторону Красной армии значительно выше доли коренных немцев в вермахте. Это тоже вполне объяснимо. Как только военная ситуация изменилась не в пользу Германии, ее «вновь приобретенные» подданные сразу же сделали выбор в пользу вероятного победителя.

К сожалению, мы вынуждены ограничиться статистикой только по северному участку советско-германского фронта, так как проведение анализа по центральному и южному направлениям требует привлечения значительно большего массива документов.

¹⁷ Tätigkeitsbericht für dem Monat November 43. Abt. 1c. // NARA. T-315 roll 0182, fram 000127.

¹⁸ Там же. Fram 000009.

¹⁹ Опросные листы военнопленных // ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12486. Д. 207. Л. 24–135.

²⁰ Morgen-, Zwischen- und Tagesmeldungen AOK.16 und AOK.18 // NARA. T-312 roll 588, 589, 607, 858, 883, 917.

Заключение

Как и любая другая армия, вермахт не был застрахован от такого явления, как переход военнослужащих на сторону противника. Преобладающими мотивами перебежчиков, начиная с зимней кампании 1942 г., стали мотивы личного характера. Сознательных противников режима было относительно немного.

Рост числа перебежчиков стал заметен с зимней кампании 1943 г., что нашло свое отражение в документах командования вермахта. Прослеживается четкая зависимость между обстановкой на фронте и числом перебежчиков, даже вне зависимости от интенсивности боевых действий на конкретном участке. Также однозначно можно утверждать, что существенная доля среди перебежчиков принадлежала военнослужащим немемецких национальностей.

Дальнейшее изучение темы связано с выявлением и анализом статистических данных по центральному и южному участкам советско-германского фронта. Это позволит подтвердить или скорректировать выводы, сделанные на основании материалов Группы армий «Север».

Introduction

In the history of all wars that have ever taken place, there has always been such a phenomenon as defection of military personnel to the enemy's side. No army was immune from this, although the scale of the phenomenon, and therefore the number of defectors, in different countries (and in different historical periods) varied.

Most dictionaries interpret the term “defector” in approximately the same way: a serviceman who has gone over to the enemy's side and surrendered to the enemy.¹ It should be noted that the authors consider it necessary to clearly distinguish between two categories of prisoners of war – defectors and those who voluntarily surrendered (in questionnaires these categories often merge). With rare exceptions,² going over to the side of the Red Army was a deliberate act, not stimulated by a specific (not general) combat situation. Voluntary surrender, as a rule, occurred in cases when a serviceman could not or did not want to put up resistance in a critical situation.

Various aspects of work with prisoners of war of the German army and its allies at the Soviet–German front are considered in the studies of A. Blank, I. Vlasova, V. Vsevolodov, V. Konasov, A. Kuz'minykh, and E. Scherstjanoi.³ However, it was not possible to identify any special literature devoted to defectors, with the exception

¹ V.F. Nikitchenko, ed., *Dictionary of Counterintelligence* [in Russian] (Moscow: Nauchno-izdatel'skii otdel Vyshei Krasnoznamennoi shkoly KGB, 1972), 200.

² There was a recorded case when a defector crossed the front line to avoid punishment for misconduct when on duty.

³ A. Blank, *Die deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR* (Köln: Pahl-Rugenstein Verlag, 1979); A.S. Blank, and B. Level', *Our goal is a Free Germany. From the History of the Antifascist Movement for a Free Germany. (1943–1945)* [in Russian] (Moscow: Mysl', 1969); I.V. Vlasova, “Work with Prisoners of War in the Rear Areas of the Soviet Fronts during the Great Patriotic War” [in Russian] (PhD diss., Institute of Military History of the Ministry of Defense of the Russian Federation, 1994); V.A. Vsevolodov, “Interaction between Political Agencies of the Red Army and the National Committee for a Free Germany in the Fight against Fascism (1943–1945)” [in Russian] (PhD diss., Lomonosov Moscow State University, 1991); V.B. Konasov, “The Policy of the Soviet State Regarding German Prisoners of War (1941–1956)” [in Russian] (Doctoral diss., Institute of Military History of the Ministry of Defense of the Russian Federation, 1998); A.L. Kuz'minykh, *Military Captivity and Internment in the USSR (1939–1956)* [in Russian] (Vologda: Drevnosti Severa, 2016); A.L. Kuz'minykh, “The System of Military Captivity and Internment in the USSR: Genesis, Functioning, Camp Experience (1939–1956)” [in Russian] (Doctoral diss., Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, 2014); E. Scherstjanoi, *Captivity in the East (1941–1945). Memoirs and Experience of German Soldiers* [in Russian] (Voronezh: Izdatel'stvo O.Yu. Aleinikova, 2016).

of the article by B. Khavkin about the fate of antifascist defectors in the USSR, published in *Nezavisimoe voennoe obozrenie* [Independent military review].⁴

In the work presented to the readers' attention, relying on a number of available sources, the authors tried to draw attention to the topic of studying the defection of Wehrmacht soldiers to the the Red Army in 1941–43. The choice of the period was determined both by the preservation of German captured documents and by the peculiarities of the period under consideration, when the dynamics of defection was largely determined by the changes in the course of military operations. At the same time, information about military defectors from the armies of satellite countries of the Third Reich was also analyzed in a comparative sense.

Sources

The article relies on such sources as archival documents of the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation, posted on the website *Pamyat' naroda* [Memory of the people], as well as documents of the branch of the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TsAMO) in Gatchina (formerly the Central Archive of the Navy). As a rule, these documents record the facts of defection of enemy military personnel to the side of the Red Army. Quite often, especially in the documents of intelligence agencies, one can find questionnaires of defectors indicating both biographical data and information about the motives that made them make such a decision. Of special value are the materials of the TsAMO fonds no. 500, which has been recently posted on the website of the Russian–German project for digitization of German documents in the archives of the Russian Federation, and especially opis' no. 12486, which contains a large number of questionnaires of prisoners of war and defectors.⁵

⁴ B.L. Khavkin, “Antifascist Defectors in the USSR. What Happened to the Former Wehrmacht Soldiers” [in Russian], *Nezavisimoe voennoe obozrenie*, August 25, 2022, accessed June 27, 2023, https://nvo.ng.ru/history/2022-08-25/1_1203_history.html

⁵ “Formulyary Razvedyvatel'nogo upravleniya Krasnoi Armii po chastyam vermakhta i ego soyuznikov, a takzhe Vaffen-SS” [Forms of the Intelligence Directorate of the Red Army on the units of the Wehrmacht and its allies and the Waffen-SS], f. 500, op. 12486, Rossiisko-germanskii proekt po otsifrovke germanskikh dokumentov v arkhivakh Rossiiskoi Federatsii [Russian–German project for digitization of German documents in the archives of the Russian Federation], accessed June 10, 2023, <https://wwii.germandocsinrussia.org/ru/nodes/22723-opis-12486-formulyary-razvedyvatelnogo-upravleniya-krasnoy-armii-po-chastyam-vermahta-i-ego-soyuznikov-a-takzhe-vaffen-ss>

A captured German shows information that interests a Soviet soldier on a map.

Photo by Natalya Bode. Not earlier than the summer of 1943

Source: “Natalya Bode: Continuation.” *Voennoe obozrenie*, July 3, 2013.

<https://topwar.ru/30305-natalya-bode-prodolzhenie.html>

The questionnaires of defectors differed from the questionnaires of ordinary prisoners of war. As for defectors, the interviewer assumed in advance that the given serviceman had certain reasons for transmitting the information that was of interest to military intelligence. As a rule, those hopes came true. We know of only one case where the testimony of a defector aroused suspicion on the Soviet side. On April 30, 1942, a soldier of the 44th Infantry Division, Austrian Albert Guettari, defected to the Red Army. The defector stated that, being a communist, he acted for ideological reasons. However, Guettari answered questions of a military nature vaguely, referring to unawareness. The interviewers quite reasonably assumed that the Austrian could be an agent of German intelligence.⁶ At the same time, it is incorrect to assume that the incompleteness of the testimony could have been the basis for suspicion against the defector. If a defector arrived at the front recently (for example, in a march battalion), that was pointed out in the questionnaire and served as an excuse for the lack of information received from him.

⁶ “Oprosnii list Al'berta Gutari” [Questionnaire of Albert Guettari]. F. 500, op. 12486, d. 173, l. 35. Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation] (TsAMO), Moscow, Russia.

Photojournalist O. Knorring and cameraman I. Malov are filming the interrogation of a captured German Obergefreiter.

Photo by Viktor Kinelovskii. July 7, 1943

Source: Voennyi al'bom. Fotografii Vtoroi mirovoi i Velikoi Otechestvennoi voiny (1939–1945) [Military album. Photographs of the Second World War and the Great Patriotic War (1939–1945)]. <https://waralbum.ru/50674/>

Motives

Defection of a serviceman to the enemy's side is undoubtedly a rather difficult decision. In addition to the ever-present danger of dying in war, a potential defector is affected by the fear of being detained while attempting to defect, with subsequent repression not only against him personally but also against his family members remaining in their homeland. Therefore, it is of great interest to find out what motivated the Wehrmacht military personnel to make such a difficult decision.

It is worth noting that in Soviet documents the motives that forced the Wehrmacht soldier to defect to the side of the Red Army are not always mentioned. According to our calculations, this question was of interest to the interviewers in approximately 20% of cases. It was of even lesser interest to the German command, which, as will be shown below, preferred to look for simple explanations. Therefore, our reasoning will be hypothetical to a certain extent.

It can be assumed that during the first period of the war, Wehrmacht servicemen most often defected to the Red Army for ideological reasons. Most of the defectors upheld left-wing views. The most famous among them was Alfred Liskow, who

defected to the Red Army on June 21, 1941.⁷ Let us also name Franz Gold, who crossed the front line in September 1941 and became an active antifascist in captivity and later, the first German defector to be awarded a Soviet military order.⁸ However, German soldiers also often found themselves on the opposite side of the front line as a result of their religious beliefs. For instance, on May 17, 1942, Karl Kurze who served in the 71st Infantry Division crossed the front line. Both he and his family were devout Catholics. It was dissatisfaction with Hitler's anti-clerical policies that led Kurze to the decision to voluntarily surrender.⁹

Former German soldier Alfred Liskow, who warned about the outbreak of war with the USSR.

Photo by Victor Temin. 1941

Source: Voennyi al'bom. Fotografii Vtoroi mirovoi i Velikoi Otechestvennoi voiny (1939–1945) [Military album. Photographs of the Second World War and the Great Patriotic War (1939–1945)]. <https://waralbum.ru/363700/>

⁷ B.L. Khavkin, “Antifascist Defectors in the USSR. What Happened to the Former Wehrmacht Soldiers” [in Russian], *Nezavisimoe voennoe obozrenie*, August 25, 2022, accessed June 27, 2023, https://nvo.ng.ru/history/2022-08-25/1_1203_history.html

⁸ V. Gorynya, “Former Participants in the Movement for a Free Germany in the Military Institutions of the GDR” [in Russian], in *The Tragedy of Captivity: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference “The End of the War, the Completion of the Activities of the NKFD/BDO and the Beginning of Repatriation of Prisoners of War” (Moscow–Krasnogorsk, October 31 – November 2, 1995)*, ed. V.A. Vsevolodov (Krasnogorsk: Memorial'nyi muzei nemetskih antifashistov, 1996), 79–85.

⁹ “Oprosnii list Karla Kurtse” [Questionnaire of Karl Kurze]. F. 500, op. 12486, d. 187, l. 23. TsAMO.

During the period of the first major crisis of the German army, in the winter of 1941/1942, personal considerations also began to play a significant role in the motives for defecting to the enemy's side. Thus, in February 1942, two defectors were recorded in the zone of the 34th Army of the North-Western Front. While the first one was a soldier of Polish origin in an ordinary linear unit, the second one served in the SS Division Totenkopf. Both defectors had similar motives: they were poorly fed, there was no warm clothing, and they were tired of fighting.¹⁰ From the second half of 1942, such motives clearly began to prevail.

Two German defectors surrender to the soldiers of the Red Army.

Photo by Natalya Bode. September 1941

Source: "Natalya Bode: Continuation." *Voennoe obozrenie*, July 3, 2013.

<https://topwar.ru/30305-natalya-bode-prodolzhenie.html>

At the turn of 1941/1942, there appeared another reason for Wehrmacht soldiers of non-German ethnicity to defect to the Red Army. Having learned about the formation of the Polish army of General Władysław Anders (Anders' Army) in the Soviet Union, some Poles crossed the front line with the intention of joining their compatriots. For example, this is what was said during the interrogation at the Southwestern Front intelligence agencies by Theodor Hahua, a soldier of the 133rd Working Battalion, who voluntarily surrendered before January 20, 1942 (it is

¹⁰ "Zhurnal boevykh deistvii 34-i armii za fevral' 1942 g." [War diary of the 34th Army for February 1942]. F. 389, op. 4690, d. 215, ll. 33, 42. TsAMO.

still impossible to establish more precisely based on the available documents).¹¹ Later, when Free French Forces (first the squadron and then the Normandie–Niemen Fighter Regiment) appeared at the Soviet–German front, there was an instance when a native of Alsace defected in order to serve in the army of General de Gaulle.¹²

Even the study of a relatively small number of questionnaires (a total of 93 questionnaires were identified, of which 17 stated the motives) that mention the causes for defection gives reason to say that personal motives prevailed over ideological ones among defectors. Consequently, enemy soldiers were generally guided by the desire to save their lives rather than rejection of the Hitler regime.

Number of defectors

Of course, instances of defection in 1941–42 were not widespread, but this phenomenon cannot be called exceptional either. Let us present summary data on defectors for the second half of 1942, reflected in the documents of the intelligence agencies of the Leningrad and Volkhov fronts and obtained in the form of intelligence reports at the headquarters of the Baltic Fleet Air Force.¹³ According to the Soviet documents, no less than 16 persons defected to the Red Army during that period. During a random check of the documents of the 18th Army of Army Group North (Army Group North (Heeresgruppe Nord)), it was possible to find references to only five defectors (group defections in July 1942).¹⁴

However, it should be noted that the real number of defectors was greater, since nine Spanish soldiers from the Blue Division and one soldier of the 56th Police Battalion who died while trying to cross the border were not taken into account.

The incompleteness of information about defectors in German documents is clearly visible in the materials of fonds 500 of the TsAMO. The form with the information on the 79th Infantry Division contains questionnaires for four soldiers of the division who defected to the Red Army in July–September 1942.¹⁵ None of them are mentioned in the documents of the 79th Infantry Division stored in the US National Archives, although the documents for that period are well preserved.

¹¹ “Zhurnal boevykh deistvii Yugo-Zapadnogo fronta” [War diary of the Southwestern Front]. F. 229, op. 161, d. 802, l. 59. TsAMO.

¹² “Oprosnyi list voenoplennogo Paulya EDGARD” [Questionnaire of prisoner of war Paul EDGARD]. F. 500, op. 12486, d. 157, l. 32. TsAMO.

¹³ “Razvedyvatel'naya informatsiya shtaba VVS” [Intelligence information of the Air Force Headquarters]. F. 596, op. 41, d. 17, l. 37 ob. etc. Tsentral'nyi voenno-morskoi arkhiv [Central Naval Archive] (TsVMA), Gatchina, Russia.

¹⁴ Kriegstagebuch des HGr Nord. Juli – Dezember 194. Fram 8499738, 8499809. National Archives and Records Administration (NARA).

¹⁵ “Oprosnye listy na voennosluzhashchikh 79-i pekhotnoi divizii” [Questionnaires of military personnel of the 79th Infantry Division]. F. 500, op. 12486, d. 193, ll. 117–122. TsAMO.

Rapid deterioration of the situation at the Eastern Front at the turn of 1942–43 had a direct impact on the number of Wehrmacht soldiers who decided to voluntarily surrender to the Red Army. This is especially noticeable in the situation on the southern flank of the Soviet–German front, where the front line began to uncontrollably roll back to the west after the failure of revenge at Kursk.

The fact that the situation with the defection of Wehrmacht military personnel to the Red Army began to take on a rather widespread character is evident because of the instructions sent by the German High Command to the armies of the Eastern Front on January 31, 1943. These instructions provided for changes to the form of daily reports to be sent by formations and units of the German army to higher command. Let us quote them from a document preserved in the fonds of the 2nd Field Army of the Wehrmacht.

Recently, cases of German military personnel defecting to the enemy's side have become more frequent. In most cases, we are talking about persons who can be considered politically unreliable. Some of them previously belonged to left-wing parties, and some come from areas that have become part of the Reich only recently. In one case, the defector belonged to a wide circle of anti-state elements, as it was found out after getting to know more about the traitor's family members.

In order to make such cases quickly identifiable in the future, it is necessary to indicate in daily reports information about military personnel who have fallen into the hands of the enemy and about whom there are suspicions that they are defectors. Their name, military unit, place of birth and closest relatives should be indicated.¹⁶

From the cited document, one can conclude that the Wehrmacht High Command preferred to look for the reason why its soldiers defected to the enemy's side in the factors of a political nature rather than in a loss of morale.

The materials of the intelligence department of the German 3rd Mountain Infantry Division of Army Group South contain information that the cases of ten mountain rangers who deserted from their unit were considered in November 1943. For the most part, those episodes dated back to the division's September retreat. The fact that one soldier defected to the Red Army was confirmed by the corresponding radio interception. The rest were only suspected of such intentions.¹⁷ Four more persons were suspected of defection to the Red Army in October 1943.¹⁸

¹⁶ Fernschreiben 31.01.43 am AOK2. No. 175/43. T-312, roll 1215, fram 1076. NARA.

¹⁷ Tätigkeitsbericht für dem Monat November 43. Abt. 1c. T-315, roll 0182, fram 000127. NARA

¹⁸ *Ibid.*, fram 000009.

Unfortunately, it was not possible to find confirmation of the mentioned above instances of mountain rangers' defection in the documents of the Soviet side. But by analogy, we can operate with data from another division (106th Infantry Division), which fought as part of Army Group South. According to TsAMO documents, from September to December 1943, 12 people from units of the 106th Infantry Division defected to the Red Army. One more soldier was killed while attempting to cross the border.¹⁹

We also have at our disposal summary data on defectors from Army Group North for 1943.²⁰ These data were obtained by continuous processing of urgent reports from the 16th Army and 18th Army, subordinate to Army Group North. From January 24 to December 29, 103 defectors were registered (excluding defectors from the 250th Spanish Division). Taking into account the objective incompleteness of German data (due to the fact that some defectors were considered missing) as well as the lack of information for April–May, we can assume that the actual number of Wehrmacht soldiers who defected to the Red Army ranged between 120 and 150 people. Consequently, the number of defectors in 1943 increased approximately fivefold compared to the previous year. It should be taken into account that in 1943 the Wehrmacht did not suffer such crushing defeats in the northern sections of the front as it did in the southern ones.

Let us give summary data on the ethnicity of the defectors. There were 57 Germans, 20 Poles, 5 natives of Luxembourg, 11 natives of Alsace, 3 Czechs, and 3 Latvians. The nationality of the rest of them was not indicated in the documents. This information does not lead us to any unexpected conclusions. The share of residents of territories annexed by Germany among the defectors to the Red Army is significantly higher than the share of native Germans in the Wehrmacht. This is also quite understandable. As soon as the military situation changed not in Germany's favor, its "newly acquired" subjects immediately made a choice in favor of the new likely winner.

Unfortunately, we are forced to limit ourselves to statistics only for the northern part of the Soviet–German front, since conducting an analysis on the central and southern directions requires the use of a much larger corpus of documents.

Conclusion

Like any other army, the Wehrmacht was not immune from the phenomenon of military personnel defecting to the enemy's side. Starting from the winter campaign

¹⁹ "Oprosnye listy voennoplennykh" [Questionnaires of prisoners of war]. F. 500, op. 12486, d. 207, ll. 24–135. TsAMO.

²⁰ Morgen-, Zwischen- und Tagesmeldungen AOK.16 und AOK.18. T-312, roll 588, 589, 607, 858, 883, 917. NARA.

of 1942, motives of a personal nature were predominant among the defectors. There were relatively few conscious opponents of the regime.

The increase in the number of defectors became noticeable during the winter campaign of 1943, which was reflected in the documents of the Wehrmacht command. There is a clear correlation between the situation at the front and the number of defectors, even regardless of the intensity of hostilities in a particular area. It can also be unequivocally stated that a significant proportion of the defectors belonged to military personnel of non-German nationalities.

Further study of the topic should be related to the identification and analysis of statistical data on the central and southern parts of the Soviet–German front. This will make it possible to confirm or correct the conclusions drawn on the basis of the materials from Army Group North.

Список литературы

Бланк А.С., Левель Б. Наша цель – свободная Германия. Из истории антифашистского движения «Свободная Германия». (1943–1945 гг.). Москва: Мысль, 1969. 293 с.

Власова И.В. Работа с военнопленными в тыловых районах советских фронтов в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. Институт военной истории Министерства обороны Российской Федерации, 1994. 236 с.

Всеволодов В.А. Взаимодействие политорганов Красной Армии и Национального комитета «Свободная Германия» в борьбе против фашизма (1943–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. МГУ им. М.В. Ломоносова, 1991. 252 с.

Горыня В. Бывшие участники движения «Свободная Германия» в военных учреждениях ГДР // Трагедия плена: сборник материалов Международной научно-практической конференции «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ/СНО и начало репатриации военнопленных» (Москва–Красногорск, 31 октября – 2 ноября 1995 г.) / под редакцией В.А. Всеволодова. Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996. С. 79–85.

Конасов В.Б. Политика Советского государства в отношении немецких военнопленных (1941–1956 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Институт военной истории Министерства обороны Российской Федерации, 1998. 506 с.

Контрразведывательный словарь / под редакцией В.Ф. Никитченко. Москва: Научно-издательский отдел Высшей Краснознаменной школы КГБ, 1972. 371 с.

Кузьминых А.Л. Военный плен и интернирование в СССР (1939–1956 годы). Вологда: Древности Севера, 2016. 527 с.

Кузьминых А.Л. Система военного плена и интернирования в СССР: генезис, функционирование, лагерный опыт (1939–1956 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, 2014. 579 с.

Хавкин Б.Л. Перебежчики-антифашисты в СССР. Как сложилась судьба бывших военнослужащих вермахта // Независимое военное обозрение. 2022. 25 августа. URL: https://nvo.ng.ru/history/2022-08-25/1_1203_history.html (дата обращения: 10.06.2023).

Шерстяной Э. Пленение на Востоке (1941–1945). Воспоминания и опыт немецких солдат. Воронеж: Издательство О.Ю. Алейникова, 2016. 208 с.

Blank A. Die deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR. Köln: Pahl-Rugenstein Verlag, 1979. 208 S.

References

Blank, A. *Die deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR*. Köln: Pahl-Rugenstein Verlag, 1979.

Blank, A.S., and B. Level'. *Nasha tsel' – svobodnaya Germaniya. Iz istorii antifashistskogo dvizheniya "Svobodnaya Germaniya". (1943–1945 gg.)* [Our goal is a free Germany. From the history of the antifascist movement for a Free Germany. (1943–1945)]. Moscow: Mysl', 1969. (In Russian)

Gorynya, V. “Byvshie uchastniki dvizheniya ‘Svobodnaya Germaniya’ v voennykh uchrezhdeniyakh GDR” [Former participants in the movement for a Free Germany in the military institutions of the GDR]. In *Tragediya plena: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii “Okonchanie voyny, zavershenie deyatel'nosti NKSG/SNO i nachalo repatriatsii voennoplennykh” (Moskva–Krasnogorsk, 31 oktyabrya – 2 noyabrya 1995 g.)* [The tragedy of captivity: proceedings of the International scientific and practical conference “The End of the War, the Completion of the Activities of the NKFD/BDO and the Beginning of Repatriation of Prisoners of War” (Moscow–Krasnogorsk, October 31 – November 2, 1995)], edited by V.A. Vsevolodov, 79–85. Krasnogorsk: Memorial'nyi muzei nemetskikh antifashistov, 1996. (In Russian)

Khavkin, B.L. “Perebezhchiki-antifashisty v SSSR. Kak slozilas' sud'ba byvshikh voennosluzhashchikh vermakhta” [Antifascist defectors in the USSR. What happened to the former Wehrmacht soldiers]. *Nezavisimoe voennoe obozrenie*, August 25, 2022. Accessed June 10, 2023. https://nvo.ng.ru/history/2022-08-25/1_1203_history.html (In Russian)

Konasov, V.B. “Politika Sovetskogo gosudarstva v otnoshenii nemetskikh voennoplennykh (1941–1956 gg.)” [The policy of the Soviet State regarding German prisoners of war (1941–1956)]. Doctoral diss., Institute of Military History of the Ministry of Defense of the Russian Federation, 1998. (In Russian)

Kuz'minykh, A.L. “Sistema voennogo plena i internirovaniya v SSSR: genesis, funktsionirovanie, lagernyi opyt (1939–1956 gg.)” [The system of military captivity and internment in the USSR: genesis, functioning, camp experience (1939–1956)]. Doctoral diss., Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, 2014. (In Russian)

Kuz'minykh, A.L. *Voennyy plen i internirovanie v SSSR (1939–1956 gody)* [Military captivity and internment in the USSR (1939–1956)]. Vologda: Drevnosti Severa, 2016. (In Russian)

Nikitchenko, V.F., ed. *Kontrrazvedyvatel'nyi slovar'* [Dictionary of counterintelligence]. Moscow: Nauchno-izdatel'skii otdel Vyshei Krasnoznamennoi shkoly KGB, 1972. (In Russian)

Scherstjanoi, E. *Plenienie na Vostoke (1941–1945). Vospominaniya i opyt nemetskikh soldat* [Captivity in the East (1941–1945). Memoirs and experience of German soldiers]. Voronezh: Izdatel'stvo O.Yu. Aleinikova, 2016. (In Russian)

Vlasova, I.V. “Rabota s voennoplennymi v tylovykh raionakh sovetskikh frontov v gody Velikoi Otechestvennoi voyny” [Work with prisoners of war in the rear areas of the Soviet fronts during the Great Patriotic War]. PhD diss., Institute of Military History of the Ministry of Defense of the Russian Federation, 1994. (In Russian)

Vsevolodov, V.A. “Vzaimodeistvie politorganov Krasnoi Armii i Natsional'nogo komiteta ‘Svobodnaya Germaniya’ v bor'be protiv fashizma (1943–1945 gg.)” [Interaction between political agencies of the Red Army and the National Committee for a Free Germany in the fight against Fascism (1943–1945)]. PhD diss., Lomonosov Moscow State University, 1991. (In Russian)

Информация об авторах

Роман Иванович Ларинцев – преподаватель, larinczev@yandex.ru, Техникум судостроения и машиностроения (д. 34, ул. Карла Маркса, 164512 Северодвинск, Россия).

Александр Николаевич Заблотский – ведущий специалист, fareast@gmail.com, Таганрогский авиационный научно-технический комплекс им. Г.М. Бериева (д. 1, пл. Авиаторов, 347923 Таганрог, Россия).

Information about the authors

Roman I. Larintsev – Lecturer, larinczev@yandex.ru, Technical School of Shipbuilding and Engineering (34, ul. Karla Marksa, 164512 Severodvinsk, Russia).

Aleksandr N. Zablotskii – Leading Specialist, fareast@gmail.com, Taganrog Beriev Aviation Scientific-Technical Complex (1, pl. Aviatorov, 347923 Taganrog, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Author Contributions Statement: all authors made an equivalent contribution to the preparation of this publication. The authors declare no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 08.08.2023; одобрена после рецензирования 11.09.2023; принята к публикации 25.09.2023.

The article was submitted 08.08.2023; approved after reviewing 11.09.2023; accepted for publication 25.09.2023.